
pocket**book**

rocket**book**

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ
ГЁТЕ

Страдания юного Вертера

МОСКВА

2018

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Г44

Перевод с немецкого *Романа Эйвадиса*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Гёте, Иоганн Вольфганг.

Г44

Страдания юного Вертера: [роман] / Иоганн Вольфганг Гёте ; [пер. с нем. Р. Эйвадиса]. — Москва : Эксмо, 2018. — 192 с.

ISBN 978-5-04-097427-6

Молодой Вертер мечтает стать художником. Весь мир для него — источник вдохновения, наслаждения и восхищения. Вертеру даже не нужны краска и холст, он пишет картины в своем воображении. Но в это умиротворенное существование пробиваются трещинки сомнения. Мир слишком строг и суров, и даже самые светлые чувства разбиваются о преграды...

«Страдания юного Вертера» — исповедь о запретной любви, которая стала бестселлером своего времени и живо отразилась в сердцах читателей Европы. Одно из выдающихся произведений немецкого и европейского сентиментализма.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Р. Эйвадис, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097427-6

КНИГА ПЕРВАЯ

С усердием и заботливостью собрал я все, что удалось мне разузнать об истории бедного Вертера, и предлагаю ныне на суд читателей, нисколько не сомневаясь в том, что примут они сию повесть с благодарностью. Ум и сердце моего героя не могут не вызывать в них любви и восхищения, а судьба — слез сострадания.

Те же, кому ведомы искушения и муки, выпавшие на долю бедного Вертера, да почерпнут утешение в печальной участи его, книжка же сия да заменит им друга, коль скоро не смогли они обрести одного по воле рока или по собственной вине.

4 мая 1771 г.

Как рад я, что уехал! Драгоценный друг мой, что за загадка — сердце человека! Оставить тебя, столь любимого мною, тебя, с кем был я неразлучен, — и радоваться! Ты простишь меня, я знаю. Ведь все иные мои привязанности словно нарочно посланы были мне судьбой, чтобы поселить в моем сердце страх и смятение. Бедняжка Леонора! Однако я не чувствую за собой вины. Разве виноват я в том, что пока своенравные прелести ее сестры доставляли мне приятное развлечение,

в этом бедном сердце зарождалась страсть? И все же — так ли уж я безгрешен? Разве не питал я вольно или невольно хрупкие ростки ее чувства? Разве не находил для себя некую отраду в искренних проявлениях души, кои столь часто служат нам источником веселья, не заключая, однако, в себе ничего смешного? Разве не был я... О, что за создание — человек, коему дано судить самого себя! Но я исправлюсь, друг мой, непременно исправлюсь, обещаю тебе, что не стану более вновь и вновь пережевывать те мелкие огорчения и неприятности, что преподносит нам судьба, как поступал я прежде; я буду наслаждаться сегодняшним днем, вчерашний же пусть остается в прошлом. Ты прав, дорогой друг мой: страданий было б меньше среди людей, когда б они — Бог весть, отчего они так устроены! — не предавались с такою неутомимою силою воображения любимому своему занятию: воскрешению в памяти минувших бед и огорчений, вместо того чтобы жить отнюдь не менее значимым сегодняшним днем.

Сделай милость, передай моей матушке, что поручение ее выполнил я наилучшим образом и вскоре извещу ее обо всем подробно. Я поговорил с тетушкой и не нашел в ней решительно ничего общего с той злой ведьмой, каковою прослыла она в нашем семейном кругу. Это весьма живая женщина, хотя и строгого нрава, но с необыкновенно добрым сердцем. Я изложил матушкины жалобы по поводу удерживаемой ею нашей доли наследства; она привела свои доводы и причины и назвала условия, при которых готова от-

дать все и даже более того, что нам причитается. Впрочем, не стану сейчас распространяться об этом предмете; скажи матушке, что все уладится к ее полному удовлетворению. Должен заметить, однако, друг мой, история сия лишний раз убедила меня в том, что недоразумения и косность, пожалуй, производят в мире больше неприятностей, нежели злоба и коварство. Во всяком случае, последние определенно встречаются в жизни реже.

Чувствую я себя здесь превосходно. Одиночество весьма благотворно действует на мою душу в сей райской местности, а весенняя пора, точно созданная для юности, обильно согревает мое зябкое сердце. Каждое дерево, каждый куст кажется букетом цветов, так что хочется, обратившись майским жуком, пуститься по волнам благовоний и пить нектар.

Город сам по себе неказист, зато окрестности полны невыразимой красоты. Сие обстоятельство побудило покойного графа М. разбить сад на одном из холмов, кои, причудливо пересекаясь друг с другом, сходясь и вновь расходясь, образуют восхитительнейшие долины. Сад незатейлив; входя в него, тотчас же замечаешь, что план его начертан был не рукою ученого садовника, но чувствительным сердцем, искавшим здесь уединения и покоя. Не раз, сидя в ветхой беседке, любимом прибежище усопшего, а ныне и моем прибежище, ронял я слезу, помяная прежнего хозяина. Вскоре я стану полноправным владельцем этих кущ; садовник уже успел привязаться ко мне, и я постараюсь не разочаровать его.

10 мая

Душа моя полна света и радости, как эти лучезарные весенние утра, которыми наслаждаюсь я с неистовою жаждой. Я совсем один и радуюсь своей новой жизни в здешних краях, словно созданных для таких душ, как моя. Я так счастлив, друг мой, так упоен чувством мира и покоя, что даже искусство мое страдает от этого. Ибо я решительно не могу рисовать, не в силах сделать даже штриха, а вместе с тем никогда еще прежде не чувствовал я себя художником более искусным, нежели в эти мгновенья. Когда вокруг меня дымится туманом долина, а полуденное солнце недвижно висит над непроницаемым пологом темного леса и лишь редкие лучи украдкой просачиваются в его священный мрак; когда я, лежа в высокой траве у шумного ручья, вперив взор в густую, пеструю сеть, сотканную из бесконечного множества былинки, внимаю голосу этого крохотного мира, населяемого мириадами загадочных, непостижимых букашек, у самого моего сердца, и чувствую присутствие Всемогущего, сотворившего нас по образу и подобию Своему, дыхание Вселюбящего, несущего нас в Вечность на облаке нескончаемого блаженства, чувствую, как окружающий меня мир и небо покоятся в самой душе моей, словно образ возлюбленной, — тогда меня порою охватывает тоска, и я думаю: ах, если б мог я выразить все это, напечатлеть на бумаге то, что так полно, так горячо живет во мне, дабы образы эти сделались зеркалом моей души, подобно тому, как ду-

ша моя есть зеркало предвечного Бога! Но, друг мой, бремя этого чувства, сладостное иго прекрасного слишком тяжело, оно грозит раздавить меня.

12 мая

Не знаю, кому или чему обязан я тем, что все вокруг представляется мне райскими кущами, — коварным духам ли, незримо витающим в сих краях, или собственной фантазии, распалюющей мое сердце. Есть в здешних окрестностях источник, к которому прикован я волшебными чарами, точно Мелюзина¹ со своими сестрами. Спустившись с небольшого холма, вдруг оказываешься ты перед сводами, под сенью которых лестница ступеней в двадцать ведет вниз, где из мраморной скалы бьет хрустальный ключ. Каменная ограда наверху, окаймляющая тенистую рожицу, прохлада — все это притягивает меня с неодолимой силой, точно некая сладостно-жуткая тайна. Я всякий день навещаю туда и провожу там час или более. Приходят из города девушки за водой — безобиднейшее и насущнейшее занятие, коего не чурались некогда и царские дочери. И сидя у источника, я столь остро чувствую патриархальную жизнь, столь живо воображаю, как праотцы наши сводили у колодца знакомство друг с другом, встречали здесь своих суженых, и слов-

¹ Фея из кельтских и средневековых легенд, дух свежей воды в святых источниках и реках. (*Прим. переводчика.*)

Иоганн Вольфганг Гёте

но слышу, как реют вокруг колодцев и источников добрые духи. О, понять мои чувства способен лишь тот, кому хоть однажды довелось после долгой, утомительной прогулки жарким днем наслаждаться прохладой лесного ключа.

13 мая

Ты спрашиваешь, не прислать ли мне мои книги. Заклинаю тебя, дорогой мой: избавь меня от сей напасти! Я не желаю более назиданий, ободрений, прищипориваний, ибо сердце мое и без того кипит, не ведая покоя; мне надобна, напротив, колыбельная песнь, которую и нашел я здесь с преизбытком в моем Гомере. Как часто баюкаю я свою волнующуюся кровь! Более своевольного, более мятежного сердца не сыскать во всем свете. Дорогой мой, мне ли говорить это тебе, тому, кто так часто принужден был горестно взирать на мои перемены от печали к безудержному веселью, от сладостной меланхолии к губительной страсти? Вдобавок я еще и пестую свое взбалмошное сердечко словно больное дитя, беспрекословно исполняя все его капризы. Однако ж не передавай никому моих признаний; есть люди, которые сурово осудят меня за них.

15 мая

Простолюдины сего городишки уже знают и приветчают меня, особенно детвора. Между тем сделал я одно печальное наблюдение: когда вначале своего пребывания здесь я заговаривал с ними,

дружелюбно расспрашивая о том о сем, некоторые из них думали, что я насмехаюсь над ними, и отвечали мне грубостью. Но это не оттолкнуло меня от них; я лишь отчетливее чувствовал то, что давно уже заметил: люди, принадлежащие к привилегированным сословиям, нарочито холодны с простым народом и стараются держаться от него подальше, словно опасаясь навредить себе близостью к низшему званию; впрочем, встречаются среди них ветреники и злые насмешники, будто бы снисходящие до бедняков, чтобы тем болезненнее выказать им свое высокомерие.

Я знаю, равенства меж нами нет и быть не может, однако же держусь того мнения, что человек, почитающий необходимым сторониться так называемой черни, дабы возвыситься в глазах окружающих, подобен трусу, бегущему от врага из страха перед поражением.

Недавно был я вновь у источника и повстречал там молоденькую служанку, поставившую свой кувшин на нижнюю ступеньку лестницы и поглядывавшую наверх в ожидании других девушек, которые помогли бы ей водрузить его на голову. Я спустился вниз и посмотрел на нее.

— Дозвольте помочь вам, сударыня, — молвил я ей.

— О нет, что вы, сударь! — отвечала она, зардевшись как маков цвет.

— Ну же, без церемоний, — настаивал я.

Она поправила круглую подушечку на голове, и я поставил на нее кувшин. Поблагодарив, она стала подниматься наверх.

17 мая

Я свел множество знакомств, хотя и не вхож покамест ни в один дом. Не знаю, чем могу я быть столь привлекателен для окружающих: многим я тотчас прихожусь по нраву, они охотно составляют мне компанию, разделяя со мною часть пути, и мне грустно расставаться с ними, если пути наши скоро расходятся. Если спросишь ты, каковы люди в этом местечке, я должен буду ответить: как и в любом ином! С родом людским всюду дело обстоит одинаково. Большинство трудится не покладая рук, чтобы жить, те же крохи свободы, что остаются им, так пугают их, что они торопятся избавиться от них любыми способами. Вот удел человека!

Однако народец славный! Когда порою, забывшись, я разделяю с ними те немногие радости, что жизнь все же дарует человеку, — благочинное застолье, сдобренное простодушными, дружелюбными шутками, конную прогулку по окрестностям, танцы и тому подобные увеселения, — это производит на меня весьма благотворное действие; главное, не вспоминать в эти минуты о других силах, томящихся во мне и пропадающих втуне, которые принужден я усердно скрывать. Ах, как это теснит сердце! Увы, быть непонятым есть печальный жребий таких, как я.

О, зачем не стало подруги моей юности! Зачем только судьба свела меня с нею! Я сам говорю себе: глупец! ты ищешь то, чему нет места под

луною! Но ведь была же она, я чувствовал это сердце, эту необыкновенную душу, пред которыми и сам я казался себе чем-то бóльшим, чем был в действительности, ибо я был всем, чем только мог быть. Боже праведный! Во мне поистине не оставалось в те дни ни единой силы, лежащей под спудом. Пред нею рождалось во мне во всей полноте своей то дивное чувство, что позволило мне объять сердцем весь мир. Встречи наши были благодатнейшею почвою, на которой непрестанно возрастали и распускались цветы тончайших ощущений, остроумнейших мыслей и шуток, и все эти проявления духа, равно как и множественные вариации их, отмечены были печатью гениальности. И вот все исчезло! Она была старше меня годами и рано сошла во гроб. Никогда не забыть мне ее светлого ума и всепрощающей, ангельской кротости.

Несколько дней тому назад встретил я некоего Ф., открытого, приветливого юношу чрезвычайно приятной наружности. Он только что вышел из университета, и хотя не считает себя мудрецом, но полагает, что знает более других. Впрочем, на студенческой скамье был он, кажется, отменно усерден, что могу я заключить по многим признакам, словом, имеет весьма недурные познания. Услыхав, что я рисую и владею греческим (явления, для здешних мест равные по значению падению метеоритов), поспешил он отрекомендоваться мне и усердно старался осчастливить собеседника сведениями из всех

областей, от Баттё¹ до Вуда², от де Пиля³ до Винкельмана⁴, уверяя между прочим, что от начала до конца прочел первую часть теории Зульцера⁵ и что имеет вдобавок рукопись Гейне⁶ об изучении античности. Я не стал подвергать сомнению сии уверения.

Познакомился я еще с одним славным господином, князьим амтманом⁷, человеком общительным и простодушным. Сказывают, будто его непременно надобно видеть в кругу его детей, коих у него девять; мол, сие есть на редкость отрадное зрелище. В особенности же хвалят старшую дочь его. Он пригласил меня к себе, и я намерен посетить его в один из ближайших дней. Живет он в князьем охотничьем замке, в полутора часах

¹ Шарль Баттё (1713—1780) — французский эстетик, видный представитель классицизма. (*Прим. переводчика.*)

² Роберт Вуд (1716—1771) — шотландский археолог. (*Прим. переводчика.*)

³ Роже де Пиль (1635—1709) — французский искусствовед и художник. (*Прим. переводчика.*)

⁴ Иоганн Винкельман (1717—1768) — немецкий археолог, искусствовед, автор известного труда «История искусства древности». (*Прим. переводчика.*)

⁵ Иоганн Зульцер (1720—1779) — немецко-швейцарский эстетик и философ. (*Прим. переводчика.*)

⁶ Христиан Гейне (1729—1812) — профессор классической филологии в Гёттингене. (*Прим. переводчика.*)

⁷ Нем. Amtmann — уездный судья; управляющий. (*Прим. переводчика.*)

отсюда, куда позволено было ему переселиться после кончины его супруги, так как пребывание в городе и в казенной квартире еще более усугубляли его скорбь.

Попадалось мне также с полдюжины юродствующих оригиналов, в коих все невыносимо, наипаче же — их дружба.

Прощай! Письмо мое придется тебе по вкусу, ибо имеет характер исключительно повествовательный.

22 мая

То, что жизнь человеческая есть всего лишь сон, замечали уже многие; вот и я неразлучен с этим ощущением. Когда я думаю об узилище, в коем заключены созидательные, творческие силы человека, когда вижу я, что все действие их сводится исключительно к удовлетворению потребностей, не имеющих иной цели, кроме как продлить наше жалкое существование, и что всякий покой, даруемый нам определенными плодами пытливого разума, есть лишь грезы отчаяния, расписывающие стены нашей темницы яркими образами и светлыми далями, — все это, дорогой мой Вильгельм, затворяет мои уста. Я возвращаюсь в себя и нахожу там иной мир! Опять же призрачный, рисуемый мне скорее смутным чувством и темною жаждою, нежели зримо-осязаемый и полный живой силы. И все расплывается перед внутренним моим взором, и я, улыбаясь, словно во сне, вновь обращаю его на мир здешний.